

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ RESEARCH ARTICLE

РЯГУЗОВА Людмила Николаевна
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
lnryaguzova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>

УДК/UDC: [82.09+82.01]:[821.161.1-056.45: 801.82]"198/201"
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 5.10.1.
<https://doi.org/10.36343/SB.2025.41.1.002>

Культурные и поэтические коды пушкинских текстов в «эстетическом кругозоре» Л. А. Степанова

Аннотация. Автор анализирует историко-литературные воззрения Л. А. Степанова в аспекте формирования его индивидуально-авторской научной методологии и понятийно-терминологического аппарата, применявшегося в трудах видного литературоведа. Исследование проводится с опорой на неоконченные работы ученого и научные изыскания авторов, изучавших поэтику А. С. Пушкина. Рассмотрены вехи академической биографии и основные труды Л. А. Степанова, выявлены методологические принципы и инструменты, применявшиеся ученым, проанализированы ключевые темы его исследований. А. С. Пушкин представит в них как социокультурное явление, мифологема русской духовности и в то же время как «художественно-творческая личность». Подчеркивается значение библиотеки Л. А. Степанова как части его интеллектуального наследия. Научный дискурс и индивидуально-авторская метафорика носят печать языковой личности ученого, отражают методологию и уровень академических исследований 1980–2010-х гг., стирающих условные региональные границы в науке о литературе.

Ключевые слова: Л. А. Степанов, А. С. Пушкин, поэтика А. С. Пушкина, научная мифология, генеративная поэтика, «поэзия грамматики», коды русской культуры, «Пир во время чумы».

© Рягузова Л. Н., 2025

Лев Александрович Степанов (1938–2014)
Lev Aleksandrovich Stepanov (1938–2014)

Актуальность нашего исследования обусловлена возросшим интересом к изучению современной индивидуально-авторской научной методологии («научной мифологии», по выражению Р.О. Якобсона), истории пушкиноведения как части науки о литературе XX–XXI вв., а также ее связей с литературным краеведением.

До настоящего времени нет обобщающего труда, посвященного анализу и оценке научной деятельности профессора Льва Александровича Степанова (1938–2014). Отдельные статьи мемориального или биографического характера в кафедральных сборниках не раскрывают в полной мере значение его филологического наследия [2] [12] [14]. Между тем назрела потребность в рассмотрении его наследия в более широком контексте академического пушкиноведения.

Цель исследования заключается в комплексном анализе научно-исследовательского метода Л. А. Степанова в контексте отечественного пушкиноведения 1980–2010-х гг., включая реконструкцию историко-литературных

воззрений ученого, что позволит определить авторский стиль и логику интерпретации литературных текстов, присущие выдающемуся исследователю.

В статье представлен опыт прочтения пушкиноведческих трудов и незавершенных замыслов Л. А. Степанова (по материалам неопубликованных рукописей) как некоего культурного синтеза, как текста, отмеченного единством стиля и методов интерпретации, а также в соотношении научного наследия с личностью и судьбой ученого. Материалом представленного исследования послужили диссертация, статьи и неопубликованные рукописи Л. А. Степанова, а массивом сравнительно-сопоставительных параллелей – труды Р. О. Якобсона [24] [25] [26], А. К. Жолковского [3] [4], В. В. Набокова [9], А. Г. Битова [1], посвященные изучению поэтики А. С. Пушкина.

Ведущие методы изучения – системно-типологический, структурно-семиотический – позволяют выявить приемы и принципы литературоведческого анализа и состав поэтологических категорий в научном дискурсе ученого. Методология исследования учитывает позицию ученого-филолога, объединившего в своем «эстетическом кругозоре» сравнительно-исторический, структурно-семиотический, текстологический, герменевтический, концептуальный, ассоциативно-семантический подходы, адекватные объекту изучения.

Методологические принципы Л. А. Степанова формировались в 1970-е годы (метод «пристального чтения», системный анализ текста), но вобрали в себя опыт знания мировой классической философской эстетики и отечественной академической науки о литературе. Размышлениям над судьбой творческого наследия А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова была посвящена многолетняя преподавательская и научно-исследовательская деятельность ученого. Обобщающие категории «художественный мир», «творческая личность», «художественное мышление», «картина мира» стали доминантными в его понятийной системе. Скрупулезный текстологический анализ пушкинских текстов позволяет вписать научные труды Л. А. Степанова в контекст академического литературоведения 1980–2010-х гг., по-

ставить его в один ряд с такими учеными, как С. А. Фомичев, М. Н. Виролайнен, В. А. Кошелев, В. П. Старк, Н. И. Михайлова. А также соотнести поэтологические параметры его идей с мифотворчеством поэта у В. В. Набокова, А. Г. Битова, В. С. Непомнящего, варианты кластеров и устойчивых комбинаций их компонентов (например, «Я вышел на...») с «поэзией грамматики» Р. Якобсона, с принципами генеративной поэтики А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова. Л. А. Степанов одним из первых исследовал проблемы комизма в эстетике и поэтике А. С. Пушкина. В частности, им рассмотрена связь воззрений поэта с его художественной практикой в жанрах комического. Исследователь обосновывает свой главный тезис о том, что, не будучи сформулированы в виде завершенной концепции, «суждения Пушкина по широкому кругу вопросов носят концептуальный характер: они связаны единством творческой личности поэта» [21, с. 3]. Вот почему по аналогии можно провести параллель и представить Л. А. Степанова-филолога как творческую личность в единстве его научного мышления и техники письма. Для этих целей наша исследовательская оптика, направленная первоначально на изучение масштабных трудов ученого, обращена к замыслам его неопубликованных статей и заметок с целью установления их творческой эволюции и преемственности.

В настоящем исследовании выявляется специфика научно-исследовательского метода Л. А. Степанова в контексте традиций отечественного пушкиноведения 1980–2010-х гг.: принципов формулирования культуроспецифических концепций и актуализации метода «пристального» чтения поэтических текстов. Стиль научного мышления и приемы анализа (включающие в себя механизмы и инструменты разных научных школ) рассмотрены на примере замыслов неопубликованных статей ученого. А. С. Пушкин предстает в них, с одной стороны, как «привычка русского сознания» (В. Набоков), мифологема русской культуры, что соответствует общей концепции развития творческого восприятия наследия поэта как «вечно живущего и движущегося явления» (В. Г. Белинский), как «подвижного памятника» (А. Г. Битов), с дру-

гой стороны, как «художественно-творческая личность» (Л. А. Степанов) [21, с. 3]. Доверие к исследовательской интуиции и эмпирике текстов, на наш взгляд, способствовало выявлению ученым мировоззренческих установок, сопряженных художественному мышлению поэта.

Значимость выводов и научных результатов статьи заключается в уточнении содержания категорий «художественное мышление» и «художественно-творческая личность» в научной мифологии ученого. Черновые наброски и замыслы научных проектов – аналитическая лаборатория, позволяющая проникнуть в критическое сознание, «костный мозг мысли автора» (В. Набоков), формирующих научный дискурс и его индивидуально-авторскую метафорику, мотивные комплексы и емкие образы-понятия.

Л. А. Степанов, в свое время аспирант кафедры истории русской литературы Кубанского госуниверситета, блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы комического в эстетике и творчестве А. С. Пушкина» (1974) в Пушкинском Доме Академии наук в Ленинграде, навсегда связав свою творческую деятельность с работой пушкинского сектора. Впоследствии он стал членом Пушкинской комиссии Российской академии наук, комментатором полного собрания сочинений А. С. Пушкина [11], автором многочисленных статей, посвященных различным аспектам творчества А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова. В докторской диссертации Л. А. Степанова «Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова» (защищена в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого в 2002 г.) принято целостное осмысление А. С. Грибоедова как художественно-творческой личности на основе его эстетических воззрений. Впервые в ней рассмотрены дипломатический дискурс, эпистолярное наследие драматурга, его натурфилософия [22] [23].

Творческая биография ученого – это библиография его трудов, научная, просветительская и педагогическая деятельность. «Библиография есть история наших открытий и гипотез, нашего ума и вкуса», – говорил Ш. Но-

дые [10, с. 11]¹. Список печатных работ ученого внушителен (пушкинских среди них более 40), но осталось «Неоконченное» (неопубликованные замыслы, наброски, планы статей, подбор пушкинских цитат). По архивам Л. А. Степанова можно было бы издать том «Недосказанный Пушкин», а в перспективе – собрать воедино и переиздать все его пушкинские работы. В неопубликованных записках ученый продолжал рассуждать о пародии и природе комического. Абсурд в его концепции есть расширение логически приемлемого пространства мира и мышления, в метафоре абсурда находится фигура логики [15]. Сравнительно-исторические литературные параллели привлекали его особое внимание, именно в установлении интертекстуальных, интермедийных соответствий в пушкинских текстах проявлялась филологическая эрудиция ученого. Например, им замечено, что в «Сказке о царе Салтане» помещение в бочку и т.п. точно воспроизводит детали мифа о Персее. В «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» в строках-обращениях к Ветру, Месяцу и Солнцу («...не видал ли где на свете ты царевны молодой?») использован плач Ярославны с ее обращениями к природным силам и др. [15].

Скептицизм, проблематизация, отстраненное видение общепринятых догм, широта научных проектов у исследователя от глубокого знания философской эстетики, мировой культуры и контекста пушкинской эпохи. В трудах о А. С. Пушкине и А. С. Грибоедове, реконструирующих единство их художественного и эстетического сознания, безусловно, отражены творческие интенции самого ученого. Его высказывания производят впечатление текучей разговорной речи. Наиболее характерные для научного стиля выражения Л. А. Степанова – *суждение, тенденция, умозаключение, характеристика, воззрение, мышление* – обозначают различные формы и стадии формулирования мысли, радость самого процесса словесного выражения и научного познания.

Достаточно обратиться к его «заметкам». По жанру это своего рода размышления про себя, или «мимолетное», «крохотки»

(А. И. Солженицын), «заметки на манжетах», как «разговоры» с Гете, но без Эккермана. Они напоминают «неприбранный манускрипт» (В. Набоков), но только по внешнему оформлению, не по логике и глубине мысли. Особый интерес представляют наблюдения Л. А. Степанова над выражением ментальности, проблем и устоев русского мира, увиденных через поэтическое слово, образы-понятия и художественную деталь. Это, в частности, «вся полнота русской смеховой стихии, которая дышит весельем и трепещет в “сердечной тоске” близ образов гнева, смерти и плача в “Капитанской дочке”» [18, с. 128]. Пушкинское слово, по характеристике ученого, в высшей степени «системно», оно «способно через деталь дать образ целого, ассоциативно расширяя его смысловые потенции, демонстрируя смещение семантического спектра» [20, с. 10]. Постигание психологии творчества, индивидуально-образного видения мира поэта мотивируется его стилевыми и конструктивными повествовательными принципами.

В пушкинистике процессы де- и ремифологизации сменяют друг друга. В них заключена мысль о проявлении одной из базисных моделей национального самосознания. В. М. Маркович выделяет, как известно, несколько фаз формирования мифа о Пушкине: первая начинается после смерти поэта и заканчивается речью Ф. М. Достоевского – миф о всемирности и всечеловечности гения А. С. Пушкина. Вторая возникает после 1880 г. – укрепление общенационального культа поэта; третья фаза знаменательна становлением оппозиции двух мифов – «о пророке» и «о чистом поэте». Эти два мифа развиваются в русской культуре параллельно, как и официальный миф о Пушкине (имперский, советский, постсоветский), многократно изменяющий свое содержание, но неизменно сохраняющий все ту же функцию – превратить поэта в эталон наиболее ценных для власти политических достоинств [7, с. 67]. Популярны в наши дни идеи непереводаемости поэта, закрытости гения Пушкина для мира, его двойного изгнания (дуэли и смерти как апофеоза творческого бессмертия).

Л. А. Степанов указывает путь к истинному пониманию «художественно-творческой

¹ О Ш. Нодье упоминает В. Набоков в комментариях к роману «Евгений Онегин», два тома работ писателя хранились в библиотеке Л. А. Степанова. (Прим. авт.)

личности» поэта через чтение и изучение текстов его произведений. Научная мысль его всегда движется индуктивно – от частных конкретных наблюдений к обобщающим формулам [19]. Это отражается в названии его статей: «Об одном фрагменте текста романа...» [17], «Об источниках образа...» [16], «По страницам...» [20]. Имплицитность, гипотетичность материала, извлекаемого из культурного и историко-литературного контекста, ставили перед исследователем трудную задачу: преодолеть стереотипы и сложившуюся традицию, предприняв своего рода «детективное расследование тайн словесного искусства» (В. Набоков).

Критическая оптика ученого в неопубликованных рукописях также подвижна: в ней заметен интерес к микроскопичной детали (малым величинам текста, микросюжету). Например, внимание исследователя привлекают образы мотылька и цветка в романе «Евгений Онегин», интертекстуальные образные связи: «нежней, как мотылек, в весенний впившийся цветок». «Татьяна – цвела, как ландыш потаенный, не знаемый ни мотыльками, ни пчелой» [15]. Л. А. Степанов учитывает такие механизмы культурной памяти, как жанр и семантический ореол. В частности, им моделируются компоненты и вариации формулы «Я вышел...», ее устойчивые комбинации у А. С. Пушкина, Б. Л. Пастернака, В. В. Маяковского. Например, тематическая парадигма образов: «Я вышел рано, до звезды»; эпиграф якобы из Цицерона в статье «Торжество дружбы...»: «Я вышел на арену против своих современников» («In arenam...»); в сказке: «вышиб дно и вышел вон», то есть «явил себя» [15]. Можно сопоставить эту технику прочтения с приемами генеративной поэтики А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова (ср.: анализ формул «Я вас любил...», «Я помню...») и принципами школы «гармонической точности», или «поэзии грамматики» Р. О. Якобсона, но рассмотренных в другой системе понятий. У А. К. Жолковского, например, описаны достаточно полно все проекции структуры кластера «Я вас любил...» и их родственные тексты у предшественников и потомков [4].

Л. А. Степанов анализирует семантическую функцию эпитета «верный» и его экви-

валенты в пушкинских текстах: это не только Руслан, на его взгляд, но и кони, которые сочетают гордость и верность, например, в «Песне о вещем Олеге», в «Полтаве», в «Медном всаднике». Привлекал внимание исследователя ономастикон, в частности, второе имя князей и царей: Олег Вещий, а Ярослав Мудрый (Натан Мудрый) – Почему? В чем разница? Встреча Олега и кудесника – вариация эпизода встречи Руслана и Старца-финна [15].

Во всех поэмах А. С. Пушкина, по наблюдению ученого, есть жертва. («Кавказский пленник», «Цыганы»). Им отмечены тонкость психологического рисунка и многомерность образов в выражении мотивов вины, преступления и наказания в сюжетном развитии и эпизодах поэм. В «Полтаве» – Мария больше, чем Кочубей. В «Медном всаднике» этот сюжетный мотив обрел историко-философское звучание. Евгений – через сто лет после Петра, грозившего отсель шведу, неожиданно сам для себя грозит Петру, обернувшись Медным всадником: «Отсель грозить мы будем шведу» – «Добро, строитель чудотворный! Ужо тебе!». Наблюдатель намеревается показать, «как конфликт героя (главного лица) и его жертвы развивается, достигая развернутой, исконно значимой для самого поэта формы, в какие смысловые поля разворачивается этот конфликт. Стихийное и статуарное в образе Евгения объективно и подобно Медному Всаднику: Евгений в попытке покорить стихию на лодке; Евгений на скульптуре льва сторожевого; Евгений, угрожающий Петру, подобен Петру во вступлении [15]. «Скульптурный миф» (статуарное / неподвижное) [26], «оживление» его образов (подвижное / живое) в поэмах отмечал и Р. О. Якобсон.

Заметки Л. А. Степанова имеют форму гипотетических, проективных построений, выявления ассоциативно-семантических, аллюзивных связей, «поиска истины на ощупь» (В. Набоков). Например, он пишет: «Орден тамплиеров имел полное название: “Бедные рыцари девы Марии и храма Соломона”. Может, скупой рыцарь был тамплиером – отсюда источник его богатства. Рыцарские турниры были прекращены после гибели на турнире короля Франции Генриха II. Значит, время действия Скупого рыца-

ря – до этого момента (“Жил на свете рыцарь бедный”))» [15].

Формулируется ученым одна из центральных тем «Пира во время чумы»: «Мотивация страха и бесстрашия как привычного и непривычного, религиозного, должного и переосмысливаемого в сравнении с Державиным (“На смерть князя Мещерского”))» [15]. Он упоминает имя Ю. М. Лотмана, который якобы утверждает, что в модернизме особое значение имел мотив конца. Эсхатологические ситуации во всех модернистских текстах – принцип не столько конца света, сколько индивидуальной эсхатологии [6]. Л. А. Степанов развивает его идею. В «Пире во время чумы», по его мнению, больше «общей эсхатологичности – состояния конца света, наступившего для ныне живущих, этих – здесь и сейчас; священник не думает, что это конец света – апокалипсис в библейском смысле слова, буквальном; отсюда его апелляции к нравственному достоинству человека; опыт прошлого – такая же чума – свидетельствует только о личной, а не всеобщей эсхатологичности; но для участников пира всеобщее не актуально, не может быть мерой их поведения, здесь бунт человека не против predetermined, а против несправедливого и случайного для них конца света. В модернистских текстах вообще действует принцип внезапности: таившееся вдруг выходит наружу и катастрофически разворачивается» [15]. Исследователь далее подчеркивает: «Залог бессмертия (“Завет – это обещание” (здесь и далее курсив наш. – Л. Р.)) – это не право, а ощущение, открывшееся ему состояние чувственного переживания, в котором ощущается возможность испытать сейчас всем обещанное бессмертие после смерти (А Раскольников требует признать за ним право на нарушение всеобщего запрета). На краю смерти, в этом пограничном состоянии, страх смерти преодолевается-таки ощущением жизненной силы, сопротивляющейся угрозе смерти, исходящей не от воли Господа, а от стихийных сил, “права” которых рядоположны праву человека в осязаемом, видимом и мысленном мире. Стихия – это не судьба, а случай, который может совпадать и не совпадать с “гением судьбы”, велением Рока или Божьей волей. Священник входит после песни Вальсингама.

Он реагирует не на смысл и пафос гимна, а, как и следует отцу паствы, услаждает собравшихся на пир во время чумы – он обличает кощунство поведения заблудших, понимая, что оно вызвано горестным помрачением их разума. В речи Священника нет ни единой реплики, вызванной мотивами песни Вальсингама. Он обличает сам факт патетического песнопения – в трагической атмосфере – мелос – в голосе, а не смысл в слове. Это *мотив-идея* создает поэтический ряд: *пир во время чумы* (1), *пир для чумы* (2), *пир вместо чумы* (3))» [15].

Ученый анализирует, как видим, формулу мысли «бессмертия, может быть, залог...», которая дана не как решение или утверждение, а как порождение мысли, догадка и озарение, которое еще подлежит домысливанию и переживанию. Сходный процесс порождения мысли проходит сам исследователь, опираясь на логический анализ языка поэта.

В литературе нет мелочей, по убеждению ученого. Метод «мелких наблюдений» (А. Бём) обостряет художественное видение, демонстрируя бережное отношение комментатора к пушкинскому наследию, стимулирующему творческую мысль, а по сути, эпически по-своему решающему в условной поэтической форме жизненные коллизии, как, например, в интерпретации художественной онтологии образа Дон Жуана: «Провокации Дон Жуана – вызов судьбе. Герой экспериментирует прежде всего с самим собой – ну до какой степени еще можно дойти. Дон Жуан – жертва собственной самооценки (он все время доказывает, что он силен и достоин), он трикстер. Ядро донжуанизма – соблазн (инструмент соблазнения). Пока он охотник, он живет (равен себе); если он обретает – он становится жертвой. Жуан как герой возвышен над его “жертвами”. Мотив влюбляющейся во врага мстительницы (Медея, Юдифь – пьеса Геббеля). А ведь донна Анна – в этом ряду, как в рассказе Лавренева “Сорок первый”. Дон Жуан в пушкинской культуре воспринимался как некий общекультурный тип, знак, созданный Моцартом, Байроном, Пушкиным. В конкретных обращениях к этому образу могли акцентироваться черты типа (или оперой, или поэмой, или маленькой трагедией)» [15]. В итоге рассуждений формулируется ученым замысел

статьи: «Дон Жуан как культурный тип, знак в интерпретации Пушкина».

Рассматриваются Л. А. Степановым и коды русской культуры в пушкинских текстах, возникает проект статьи «Интеллектуально-культурный кругозор и событийно-психологический план героев романа “Евгений Онегин”». Здесь происходит смена оптики, берется более крупный масштаб видения проблем, тематических и семиотических блоков: «Пушкин в эстетическом сознании литературной критики: поиски кода», «Эпистолярный дискурс Пушкина (и “Роман в письмах”», «Цветовой код “Капитанской дочки” в сравнении с “Повестями Белкина”»). Продуктивна, на наш взгляд, идея ученого о создании словаря личных имен, географических названий, пушкинских цитат, эпитафий, отсылок, то есть «Культурологического словаря языка Пушкина» как дополнения к «Словарю языка Пушкина». Нереализованным остались замысел исследования поэтики пушкинских псевдонимов и словаря эпитафий, по типу словаря крылатых выражений [8].

Как исследователя Л. А. Степанова привлекали жанры комического в «эстетическом кругозоре» и творчестве А. С. Пушкина. Они связаны с идейно-нравственной (*истинный / ложный смех*), этико-психологической (*формулы вдохновения*) атмосферой творческой жизни поэта. Необычный в 1970-е гг. выбор темы (чисто *эстетической, игровой, шутовой*) имел глубокое основание. Ирония, по характеристике ученого, не замыкает поэта в границах одного отрицания, смех становится для А. С. Пушкина абсолютной мерой вещей, приговором явлениям жизни и искусства, познанием истины, «веселость» побеждает этические и эстетические предрассудки [21, с. 5].

Взаимодействие «комического» с «высоким» и «трагическим» – один из важнейших принципов эстетики и художественной онтологии А. С. Пушкина, декларируемых Л. А. Степановым. Ум и ирония, различные оттенки комического свойственны были творческому сознанию самого исследователя, такой выбор предмета изучения для него органичен. Цени юмор поэта, Л. А. Степанов-читатель допускал возможность жанра «биографического гротеска» [13], но требовал сохранять

этический закон и меру, как сформулировал А. С. Пушкин в отзыве о дневниках Д. Г. Байрона: не потакать толпе, которая радуется «уничтожению высокого, слабостям могущего» (цит. по: [1, с. 89]). Для ученого смех – категория, вписанная в рамки эстетического поля, к «комическому» следует подходить серьезно.

Эрудиция позволяла Л. А. Степанову смотреть на современность «под знаком вечности» и сознавать вторичность того, что многие современники принимали за художественные и научные открытия (игровую поэтику, концептологию, теорию интертекста). Скептицизм – неотъемлемое свойство его ума.

Без преувеличения можно сказать, что личная библиотека ученого была одной из его главных материальных и духовных ценностей. Она размещалась в двух комнатах (на семи стеллажах, «до стропил»). Многие (скрытые, личные) говорят о владельце ее тома. Глядя на них, понимаешь истоки его любимой фразы: «В античности все уже было!». Философско-эстетический контекст, скрупулезно восстановленный при изучении грибоедовской комедииографии, ее комментарии и примечания к пушкинским текстам, конечно, из недр этой коллекции, созданной трудами истинного библиофила, собирателя, страстного читателя. Ш. Нодье писал о таких библиотеках: «В них было собрано все самое превосходное и полезное, что создали изящная словесность и наука, все, что необходимо для услаждения души и развития ума в течение долгой-долгой жизни» [10, с. 5].

Познания ученого носили не пассивно- созерцательный характер, он активно и широко внедрял их в просветительскую и преподавательскую деятельность. Интерпретация пушкинских текстов в прочтении Л. А. Степанова сохраняет и сегодня живой интерес первоисточника, обостренный историко-литературным, бытовым комментированием и поэтическим проникновением в глубь пушкинской строки.

В сознании коллег уход Л. А. Степанова невольно воспринимается через пушкинские мотивы «нестрашной смерти» (С. Г. Волконский), «светлой печали», «лелеющей душу гуманности» (В. Г. Белинский) и творческого посмертия. Л. А. Степанов, как А. Г. Битов

и В. В. Набоков, переводит А. С. Пушкина в свою модальность. Герой романа «Дар» В. В. Набокова «жил Пушкиным», «питался Пушкиным», утверждая, что у пушкинского читателя легкие увеличиваются в объеме. Пушкин проник в подсознание А. Г. Битова, который засыпал с Пушкиным и просыпался с болью в шее, сочиняя сборник парадоксальных анекдотических статей о поэте [1, с. 406]. Л. А. Степанов унес с собой неосуществленные замыслы статей, не домыслив, не досказав своего Пушкина.

Отдавая дань памяти, разбирая сегодня рукописи ученого, нельзя не упомянуть, что именно ему были адресованы, подарены, в числе избранных пушкинистов, тома репринтного издания рукописей поэта, присланных из Пушкинского Дома Академии наук, великолепно изданных в Англии. Они, как и вся библиотека, остались в руках частных лиц: у внучки Л. А. Степанова. Это значимый факт, на наш взгляд, продолжения и передачи наследия, знак биографического и творческого бессмертия: «бессмертья, может быть, залог...». В таких совпадениях чувствуется «привкус вечности» (В. В. Набоков), истинного служения ученого любимому делу всей его жизни.

Безусловно, идеи незавершенных замыслов Л. А. Степанова обнаруживают идейно-художественную общность с его магистральными исследованиями о творчестве А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина, в то же время в них содержатся оригинальные пути прочтения пушкинских текстов. Критическая оптика исследователя позволяет выявить его творческий процесс на уровне микро- и макроструктуры текста: от функции художественной детали, поэтики вещи, фрагмента до определения нарративной стратегии и формулирования индивидуально-авторской модели мира. Творческое наследие Л. А. Степанова еще ждет своего научного описания в системно-типологическом аспекте, впрочем, как и сама история кубанского литературоведения, не изученная в плане традиций и новаций. Мемориальный сборник научных статей, посвященный ученому [5], можно рассматривать как подступы к ее постановке. Предпринятый

нами обзор и анализ архивных материалов – фрагмент более фундаментального изучения литературоведческих трудов Л. А. Степанова, посвященных классикам и современникам.

Настоящее исследование позволило выявить уникальность научно-исследовательского метода Л. А. Степанова, синтезирующего герменевтическую глубину, структурно-семиотическую строгость и интертекстуальную чуткость. Незавершенные рукописи ученого, его черновые наброски и проекты демонстрируют, как «пристальное чтение» пушкинских текстов становится инструментом реконструкции культурных кодов русской ментальности. Л. А. Степанов, следуя индуктивному методу, выстраивал свои работы как своеобразное «детективное расследование» (В. В. Набоков), где микроскопичные детали – эпитет «верный» или образ мотылька в «Евгении Онегине» – становились ступенями к постижению макрокосма пушкинского творчества. Таким образом, критическая оптика исследователя позволяет выявить его творческий процесс на уровне микро- и макроструктуры текста: от функции художественной детали, поэтики вещи, фрагмента до определения нарративной стратегии и формулирования индивидуально-авторской модели мира.

Анализ ключевых тем в исследованиях Л. А. Степанова позволил не только вписать его труды в академический дискурс 1980–2010-х гг., но и обозначить их созвучие идеям Р. О. Якобсона, Ю. М. Лотмана, А. К. Жолковского. Незавершенные проекты ученого, такие как замысел «Культурологического словаря языка Пушкина» или исследование поэтики использовавшихся А. С. Пушкиным псевдонимов, остаются актуальными для современной науки и подчеркивают необходимость системного изучения архива Л. А. Степанова.

Перспективы дальнейших изысканий видятся в публикации материалов «Недосказанного Пушкина», что позволит завершить начатое Л. А. Степановым «проникновение в глубь строки». Особое значение приобретает осмысление его роли в формировании кубанской научной школы, чьи традиции и новации, равно как и наследие самого ученого, требуют интеграции в общероссийский контекст лите-

ратуроведения. Мемориальный сборник научных статей, посвященный ученому [5], можно рассматривать как подступы к постановке соответствующих задач. Скептицизм Л. А. Степанова, его доверие к «эмпирике текста» и неуклонное следование пушкинской традиции – не только дань прошлому, но также вектор будущих исследований, методологическим лейтмотивом которых может стать идея о том, что «оживление» классики возможно лишь

через бережное воссоздание ее философско-эстетического контекста.

Личная библиотека Л. А. Степанова, ставшая его творческой лабораторией, хранит незавершенные рукописи, которые ждут своих читателей и исследователей. Их изучение, равно как и переиздание трудов ученого, может стать своеобразным мостом между смыслами пушкинской эпохи и динамикой современной гуманитаристики.

Lyudmila N. RYAGUZOVA

Dr. Sci. (General Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

lnryaguzova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>

Cultural and Poetic Codes of Pushkin's Texts in Lev Stepanov's "Aesthetic Outlook"

Abstract. The aim of the study is to analyze the research method of Lev Stepanov (1938–2014) in the context of Russian Pushkin studies of the 1980s–2010s, as well as to examine his unfinished plans as a cultural synthesis that combines the unity of style, methods of interpretation, and the connection of the scientist's scientific heritage with his personality. The material is Stepanov's articles and unpublished manuscripts, supplemented by the works of Roman Jakobson, Aleksandr Zholkovsky, Vladimir Nabokov, and other researchers of Pushkin's poetics. The methodology includes a systemic-typological and structural-semiotic approaches that allow us to identify poetological categories in the scientist's works, as well as a hermeneutic analysis to reconstruct his "aesthetic outlook", which combines philosophical aesthetics, intertextual connections, and textual accuracy. The poetic ontology reveals the specificity of the Russian mentality, national cultural codes in Pushkin's literary thinking. The comprehension of the psychology of creativity, the individual-figurative vision of the world of the poet is motivated by Stepanov as the need to follow Pushkin's own stylistic and constructive narrative principles. According to the scientist's concept, Pushkin should be "revived" not by the methods of simplified popularization, biographical grotesque, but based on the philosophical and aesthetic context of the era and text analytics. The author of the article shows how Stepanov's views correlate with the literary-critical context of his time and are in a state of unanimity, discussion or correlation in relation to the judgments of other leading Pushkin scholars. His method, comparable with Zholkovsky's generative poetics and Jakobson's "poetry of grammar", demonstrates how trust in the intuition and empiricism of the text reveals worldview attitudes that are congenial to Pushkin's work. It is emphasized that these words can rightfully be addressed to the scientist himself. Stepanov analyzes the formulas of the poet's thoughts, his thought-images, given not as a solution or statement, but as a generation of thought, a process, a guess and an insight that are still subject to further thought and experience. A similar process of generating a thought following the author's is experienced by the researcher himself. It is stated that the scientific novelty of Stepanov's research is associated with interest in the poet's myth-making, conditioned by the significance of scientific ideas and the scale of his personality as a philologist. The question of actualizing interest in Kuban literary criticism and its systematic study is raised.

Keywords: Lev Stepanov, Alexander Pushkin, Pushkin's poetics, scientific mythology, generative poetics, "poetry of grammar", codes of Russian culture, "Feast in Time of Plague".

Литература:

1. Битов А. Г. Пушкинский том: ст. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 409 с.
2. Гримова О.А. Литературоведение Л.А. Степанова как герменевтический проект // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Л. А. Степанова (Краснодар, 14–29 нояб. 2016 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. С. 35–40.
3. Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 654 с.
4. Жолковский А. К. Интертекстуальное потомство «Я вас любил...» Пушкина // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. С. 407–430.
5. Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Л. А. Степанова (Краснодар, 14–29 нояб. 2016 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. 230 с.
6. Лотман Ю. М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб: Искусство-СПб, 2000. С. 427–430.
7. Маркович В. М. Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России: сб. ст. СПб.: Филолог. фак. С-Петерб. гос. ун-та, 2007. 320 с.
8. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений А. С. Пушкина. СПб.: Изд-во С-Петерб. гос. ун-та; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
9. Набоков В. В. Пушкин, или правда и правдоподобие // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газ., 1996. С. 8–19.
10. Нодье Ш. Читайте старые книги: в 2 кн. Кн. 1. М.: Книга, 1989. 271 с.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7. Драматические произведения. СПб.: Наука, 2009. 1069 с.
12. Рягузова Л. Н. Концепция «художественно-творческой личности» в научном мышлении Л. А. Степанова // 5. Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Л. А. Степанова (Краснодар, 14–29 нояб. 2016 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. С. 31–35.
13. Рягузова Л. Н., Ли Янь «Биографический гротеск» как метод прочтения творческой судьбы А.С. Пушкина (в критической рефлексии В. Набокова и А. Битова) // Известия Волгоградского государствен-

References:

1. Bitov, A.G. (2014) *Pushkinskiy tom: st.* [The Pushkin Volume: Articles]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy. 409 p.
2. Grimova, O.A. (2016) *Literaturovedenie L.A. Stepanova kak germenevticheskiy proekt* [L.A. Stepanov's Literary Studies as a Hermeneutic Project]. In: *Klassicheskoe nasledie russkoy literatury i sovremennost'* [Classical Heritage of Russian Literature and Modernity]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 35–40.
3. Zholkovskiy, A.K. (2005) *Izbrannye stat'i o russkoy poezii: Invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Selected Articles on Russian Poetry: Invariants, Structures, Strategies, Intertexts]. Moscow: RSUH. 654 p.
4. Zholkovskiy, A.K. (2005) *Intertekstual'noe potomstvo "Ya vas lyubil..."* Pushkina [The Intertextual Progeny of Pushkin's "I Loved You..."]. In: *Izbrannye stat'i o russkoy poezii* [Selected Works on Russian Poetry]. Moscow: RSUH. pp. 407–430.
5. Kuban State University. (2016) *Klassicheskoe nasledie russkoy literatury i sovremennost': kontseptsii, interpretatsii, opyty analiza teksta* [The Classical Heritage of Russian Literature and Modernity]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the Memory of Professor L. A. Stepanov. Krasnodar. 14–29 November 2016. Krasnodar: Kuban State University. 230 p.
6. Lotman, Yu.M. (2000) *O modeliruyushchem znachenii ponyatiy "kontsa" i "nachala" v khudozhestvennykh tekstakh* [On the Modeling Significance of "End" and "Beginning" in Literary Texts]. In: *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov* [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 427–430.
7. Markovich, V.M. (2007) *Mify i biografii: Iz istorii kritiki i literaturovedeniya v Rossii* [Myths and Biographies: From the History of Criticism and Literary Studies in Russia]. St. Petersburg: Faculty of Philology; St. Petersburg State University. 320 p.
8. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazheniy A.S. Pushkina* [Dictionary of Pushkin's Winged Expressions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Folio-Press. 752 p.
9. Nabokov, V.V. (1996) *Pushkin, ili pravda i pravdopodobie* [Pushkin, or Truth and Verisimilitude]. In: *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow: Nezavisimaya gaz. pp. 8–19.
10. Nodier, C. (1989) *Chitayte starye knigi* [Read Old Books]. Vol. 1. Moscow: Kniga. 271 p.
11. Pushkin, A.S. (2009) *Poln. sobr. soch.: v 20 t.* [Complete Works: In 20 Vols]. Vol. 7. St. Petersburg: Nauka. 1069 p.
12. Ryaguzova, L.N. (2016) *Kontseptsiya "khudozhestvenno-tvorcheskoy lichnosti" v nauchnom myshlenii L.A. Stepanova* [The Concept of "Artistic-Creative Personality" in L.A. Stepanov's Scholarship]. In: *Klassicheskoe nasledie*

ного педагогического университета. 2023. № 3 (176). С. 164–170.

14. Сомова Е. В., Свитенко Н. В. «Я монтирую строфу»: лирические опыты Л.А. Степанова // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Л. А. Степанова (Краснодар, 14–29 нояб. 2016 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. С. 41–47.

15. Степанов Л. А. Незаконченное // Из личного архива Л. А. Степанова.

16. Степанов Л. А. Об источниках образа импровизатора в «Египетских ночах» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука, 1982. С. 168–175.

17. Степанов Л. А. Об одном фрагменте текста романа «Евгений Онегин»: (Из комментарием к роману) // Болдинские чтения [1987]: сб. ст. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. С. 174–183.

18. Степанов Л. А. «Отличительная черта в наших нравах...»: К поэтике комического в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения [1985]: сб. ст. Горький: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1986. С. 115–128.

19. Степанов Л. А. Незаконченное: заметки, фрагменты, наброски статей // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Л. А. Степанова (Краснодар, 14–29 нояб. 2016 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. С. 21–28.

20. Степанов Л. А. По страницам «Капитанский дочки» // Кубань: лит.-худож. альманах. 1987. № 1. С. 9–21.

21. Степанов Л. А. Проблемы комизма в эстетике и поэтике А. С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: [б. и.], 1974. 19 с.

22. Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. В. Новгород: [б. и.], 2002. 47 с.

23. Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова: моногр. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001. 312 с.

24. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.

25. Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180.

26. Якобсон Р. О. Стихи Пушкина о деве-статуе, вакханке и смиреннице // Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 181–197.

russoy literature i sovremennost' [Classical Heritage of Russian Literature and Modernity]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 31–35.

13. Ryaguzova, L.N. & Li Yan (2023) "Biograficheskiy grotesk" kak metod prochleniya tvorcheskoy sud'by A.S. Pushkina ["Biographical Grotesque" as a Method of Reading Pushkin's Creative Destiny]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (176). pp. 164–170.

14. Somova, E.V. & Svitanko, N.V. (2016) "Ya montiruyu strofu": liricheskie opyty L.A. Stepanova ["I Edit the Stanza": L.A. Stepanov's Lyrical Experiments]. In: *Klassicheskoe nasledie russoy literature i sovremennost'* [Classical Heritage of Russian Literature and Modernity]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 41–47.

15. Stepanov, L.A. *Nezakonchennoe* [The Unfinished]. From L.A. Stepanov's personal archive.

16. Stepanov, L.A. (1982) Ob istochnikakh obraza improvizatora v "Egipetskikh nochakh" [On the Sources of the Improviser's Image in "Egyptian Nights"]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Vol. 10. Leningrad: Nauka. pp. 168–175.

17. Stepanov, L.A. (1988) Ob odnom fragmente teksta romana "Evgeniy Onegin" [On One Fragment of "Eugene Onegin"]. In: *Boldinskie chteniya* [1987] [Boldino Readings (1987)]. Gorky: Volgo-Vyat. kn. izd-vo. pp. 174–183.

18. Stepanov, L.A. (1986) "Otlichitel'naya cherta v nashikh nraakh...": K poetike komicheskogo v "Kapitanskoy dochke" ["A Distinctive Feature of Our Customs...": On the Poetics of the Comic in "The Captain's Daughter"]. In: *Boldinskie chteniya* [1985] [Boldino Readings (1985)]. Gorky: Volgo-Vyatsk. kn. izd-vo. pp. 115–128.

19. Stepanov, L.A. (2016) *Nezakonchennoe: zametki, fragmenty, nabroski statey* [Unfinished: Notes, Fragments, Drafts]. In: *Klassicheskoe nasledie russoy literature i sovremennost'* [Classical Heritage of Russian Literature and Modernity]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 21–28.

20. Stepanov, L.A. (1987) Po stranitsam "Kapitanskoy dochki" [Through the Pages of "The Captain's Daughter"]. *Kuban': lit.-khudozh. al'manakh*. 1. pp. 9–21.

21. Stepanov, L.A. (1974) *Problemy komizma v estetike i poetike A.S. Pushkina* [Problems of the Comic in Pushkin's Aesthetics and Poetics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad. 19 p.

22. Stepanov, L.A. (2002) *Esteticheskoe i khudozhestvennoe myshlenie A.S. Griboedova* [Aesthetic and Artistic Thinking of A.S. Griboedov]. Doctoral abstract. Veliky Novgorod. 47 p.

23. Stepanov, L.A. (2001) *Esteticheskoe i khudozhestvennoe myshlenie A.S. Griboedova* [Aesthetic and Artistic Thinking of A.S. Griboedov]. Krasnodar: Kuban State University. 312 p.

24. Jakobson, R. *Poeziya grammatiki i grammatika poezii* [Poetry of Grammar and Grammar of Poetry]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 462–482.

25. Jakobson, R. (1987) *Statua v poeticheskoy mifologii Pushkina* [The Statue in Pushkin's Poetic Mythology].

In: *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress. pp. 145–180.

26. Jakobson, R. (1987) Stikhi Pushkina o deve-statue, vakkhanke i smirennitse [Pushkin's Poems About the Maiden-Statue, Bacchante and Humble Woman]. In: *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress. pp. 181–197.

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Рягузова Л. Н. Культурные и поэтические коды пушкинских текстов в «эстетическом кругозоре» Л. А. Степанова // Наследие веков. 2025. № 1. С. 27–38. DOI: 10.36343/SB.2025.41.1.002

For citation:

Ryaguzova, L. N. (2025) Cultural and Poetic Codes of Pushkin's Texts in Lev Stepanov's "Aesthetic Outlook". *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 27–38. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.41.1.002

Поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.02.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 18.02.2025

Опубликована / Published 31.03.2025